

УДК 34:35.08

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-1-22-38

EDN: EJZWZQ

Оригинальная научная статья

Пределы правового регулирования военно-служебных отношений

Е. А. Глухов

*Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ evgenijgluhov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых особенностей правового регулирования правоотношений в военной среде – детальная регламентация прав, обязанностей, порядка исполнения возложенных задач и приказов. К причинам подобной юридической экспансии автор относит историческую традицию, воспитание таким образом послушания и дисциплины среди военнослужащих, методическую помощь исполнению возложенных обязанностей для неопытных в данных вопросах командиров, а также удобство контроля и желание унифицировать воинскую деятельность в различных воинских формированиях. Дисфункциональными проявлениями данного стиля управления служат воспитание несамостоятельности в вопросах принятия решений, привычка во всем полагаться на вышестоящее руководство, утрата подчиненными инициативы, умения работать в команде, снижение оперативности реакции на внезапные изменения обстановки и нетиповые ситуации. В условиях боевых действий указанные недостатки не просто снижают эффективность управления, но и с большой вероятностью приведут к диктату воли противника, поражению, неоправданным жертвам. На основе конкретных примеров чрезмерной регламентации автор ставит вопрос о необходимости, пределах и степени детализации правового регулирования в военной среде. В статье анализируется опыт применения директивного управления армии Германии (Auftragstaktik) и применяемой в ней модели взаимоотношения командира без детализации распоряжений, с предоставлением подчиненному свободы выбора средств и методов достижения поставленных целей. В качестве мер совершенствования правовой регламентации отечественного военного управления предлагается устранить юридическую ответственность воинских командиров за отклонение от требований детальных приказов в случае совершения ими обоснованного риска и отсутствия вреда охраняемым законом интересам. При подготовке статьи использовались методы формальной логики – сравнение, описание, классификация, анализ, синтез и др., которые позволили охарактеризовать сущность рассматриваемых правоотношений и сопоставить их с методами правового регулирования соответствующих трудовых отношений.

Ключевые слова: военное управление, административный регламент, детальная регламентация, самостоятельность руководителя, оперативность реагирования, инициатива подчиненного, Auftragstaktik, воспитание послушания, децентрализация

Для цитирования: Глухов Е. А. Пределы правового регулирования военно-служебных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-22-38>. EDN: <https://elibrary.ru/ejzwzq>

Original scientific article

The Limits of Legal Regulation of Military Relations

E. A. Glukhov

Saint-Petersburg Military Institute of National Guard Troops,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ evgenijgluhov@yandex.ru

Abstract. The paper deals with one of the key features of the regulation of legal relations in the military environment. Those are the detailed regulation of rights, responsibilities, the execution of assigned tasks and orders. The author sees the reasons for such legal expansion in the historical tradition, i.e. fostering obedience and discipline among military personnel, guidance assistance to inexperienced commanders for them to be able to fulfill the assigned duties, as well as controllability and the intention to unify military activities in various military formations. Dysfunctional manifestations of this management style are instilling the lack of independence in decision-making, the habit of relying on superior management for all matters, the loss of initiative by subordinates, the inability to work in a team, lack of immediate response to sudden changes in the situation or non-standard situations. During military operations, these shortcomings not only reduce the effectiveness of control but are also likely to result in prevailing enemy's will, defeat, and unjustified casualties. Using particular examples of excessive regulation, the author questions the need, limits and degree of detailed legal regulation in the military environment. The paper analyzes the cases of directive control of the German Army (Auftragstaktik) and the commander's model used in respect of the subordinates with no detailed orders, with the subordinates being free to choose means and methods to achieve their goals. As measures to improve the legal regulation of the domestic military administration, the paper proposes to eliminate the legal responsibility of military commanders for deviation from detailed orders in cases they take reasonable risk and do not violate legally protected interests. The study uses the methods of formal logic, i.e. comparison, description, classification, analysis, synthesis, etc., which made it possible to characterize the essence of the legal relations under consideration and compare them with the methods of legal regulation of the relevant labor relations.

Keywords: military administration, administrative regulations, detailed regulation, commander's independence, immediate response, initiative of the subordinate, Auftragstaktik, obedience observance, decentralization

For citation: Glukhov E. A. The Limits of Legal Regulation of Military Relations. *Siberian Law Review*. 2024;21(1):22-38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-22-38>. EDN: <https://elibrary.ru/ejzwzq> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Военно-служебные отношения традиционно характеризуются повышенной степенью детализации правового регулирования, формализацией и регламентированностью всех сторон деятельности их субъектов, отчасти и патернализмом со стороны государства по отношению к военнослужащим. Нормы российского военно-административного права отличаются категоричностью требований,

императивностью. Даже повседневные ритуалы в армейской среде строго и точно оформлены правовыми актами.

Иерархическое построение военных ведомств и жесткий принцип единоначалия детерминируют уклон в сторону централизованного метода регулирования во внутренней структуре, при котором управленческая воля исходит сверху. Правовые предписания формируются с достаточной четкостью, категоричностью

и выступают в виде непрерываемых правил поведения. Они рассчитаны на субординационный тип связей участников; в их структуре доминируют юридические средства управленческого характера (обязанности, запреты, санкции, охранительные акты и пр.) [1, с. 146].

Указанная тенденция зародилась одновременно со становлением бюрократического государственного аппарата с присущими ему чертами: обезличенностью взаимоотношений, единообразием функций, значимостью документооборота. Так, приказ, вводивший французский военный Устав внутренней службы 1818 г., гласил: «Его величество, будучи уверен, что его служба выиграет, если войска будут подвергнуты единообразно установленным дисциплине и режиму; что уставы должны предвидеть и регламентировать все подробности и не допускать, чтобы что-либо решалось произвольно или оставалось неопределенным; что офицеры, переводимые из одной части в другую, не должны находить какой-либо разницы в порядке внутренней службы, — утверждает настоящий устав» [2, с. 125].

В терминологии У. С. Линда «идеальная армия прошлого была образцово отлаженной машиной, и именно к этому стремилась военная культура порядка»¹.

Утвердившийся в Российской армии со средних веков стиль руководства также отличался мелочной регламентацией и плотной опекой начальства. «Весь порядок занятий, — писал в 1907 г. генерал-майор Е. И. Мартынов, — точно, в подробностях регламентирован уставами, наставлениями, инструкциями, приказа-

ми, расписаниями и т. п. Мало того, желая в чем-нибудь проявить свою деятельность, все старшие начальники, помимо указанных подробных правил, предъявляют еще свои подобающие должности требования. Даже в способах достижения поставленных целей, исполнения обязанностей строевому офицеру не предоставляется никакой свободы»².

Не утратил своего значения данный принцип и поныне. Расширение предмета правового регулирования (так называемый правовой тоталитаризм) не является, скорее, целью правотворчества, в большинстве случаев осуществляется по инерции [3, с. 760].

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ

Детальная, а порой и весьма мелочная регламентация касается не только прав и обязанностей военнослужащих, но и всего военного быта. Так, Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации³ определено, на какой высоте от пола вывешиваются таблички в помещениях и их размер, форму доклада начальнику при убытии в отпуск, за сколько шагов до начальника выполняется воинское приветствие и многое другое. Неурегулированные нормативными правовыми актами повседневные процедуры определяются приказами и распоряжениями руководителей военных организаций на местах (например, порядок выезда за пределы гарнизона, купания в водоемах, посещения военнослужащих, размер бирок на журналах, размещение карандашей в полевой сумке и т. п.).

¹ *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation* / W. S. Lind, K. Nightengale, J. F. Schmitt, J. W. Sutton, G. I. Wilson // *Marine Corps Gazette*. 1989. October. P. 23.

² Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб. : Военная типография, 1906. С. 39.

³ *Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации* (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : указ Президента Рос. Федерации от 10 нояб. 2007 г. № 1495 (ред. от 31 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 47, ч. 1, ст. 5749 ; 2022. № 31, ст. 5698.

Следует отметить, что с 2005 г.⁴ в Российской Федерации наблюдается существенный рост регламентации деятельности должностных лиц во всех областях публичного управления, вызванный бурным принятием различного уровня и направления административных регламентов. Однако, во-первых, такого рода правовые акты (административные регламенты) принимаются лишь по вопросам взаимодействия с получателями публичных услуг, главным образом, в сфере социального обеспечения, образования, здравоохранения, миграционного учета, взаимодействия органов власти между собой и в иных четко определенных законом сферах. Во-вторых, публичные услуги оказываются в ответ на обращения их потенциальных получателей [4, с. 83], поэтому в них подробно описывается лишь процесс реакции на обращение и связанные с данным обращением процессуальные вопросы.

В военной же сфере правовая регламентация осуществляется по более широкому кругу вопросов. В отличие от руководителя коммерческой организации или публичного учреждения, сфера деятельности военного руководителя несравненно шире. Она включает в себя: организацию боевой подготовки, образовательные, воспитательные, элементы, работы по обслуживанию и применению вооружения и техники, организацию питания, всех видов обеспечения, охрану жизни и здоровья подчиненных, решение бытовых вопросов и т. д. Соответственно, внутренней регламентации подвержены практически все вопросы жизни и быта войск, тем самым вводятся унификация и единообразие воинской деятельности в самых различных воинских формированиях.

Как замечает И. Ю. Хитарова, вся сущность военного дела состоит в стремлении противопоставить анархии войны структурность, точность и последовательность военных планов и алгоритмов работы [5, с. 161]. В этом ракурсе централизация управления позволяет вышестоящему руководителю координировать усилия различных воинских формирований и решать стратегические задачи по единому замыслу, создавая условия для синергического эффекта.

Здесь же следует отметить, что в военных ведомствах крайне скудно издаются именно процессуальные акты (административные регламенты), даже по тем вопросам, которые традиционно относятся к сфере оказания государственных услуг. Например, взаимодействие должностных лиц с претендентами на получение пенсий от военного ведомства, выдача военнотружущим различных справок, направление их на лечение, процедура оформления документов для регистрационного учета в военных организациях административными регламентами не оформлены. Подобные функции возлагаются на воинских должностных лиц путем вменения им в обязанности, но, как правило, без разработки специального регламента и раскрытия сопутствующих процессуальных вопросов взаимодействия. Получается, что административная реформа начала XXI в. практически не затронула правотворческую деятельность в военной сфере.

Но как бы то ни было, по состоянию на середину 2023 г. по вопросам воинской обязанности и военной службы действует более двух тысяч нормативных актов Российской Федерации различной юридической силы, без учета закрытых (имеющих гриф секретности либо пометку «для служебного пользования»).

⁴ Начало процессуальной регламентации деятельности органов публичной власти положило распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 46, ст. 4720).

**Причины и последствия
преувеличенной степени
правового регулирования
воинских правоотношений**

Проиллюстрированная выше тенденция детальной регламентации всех сторон воинской деятельности объясняется необходимостью тренировки и воспитания послушания в опасных для жизни и здоровья условиях, координации усилий и закрепления полномочий участников, а также помощью в организации исполнения ими своих функций. В свою очередь принцип детальной регламентации является производным от стремления повысить управляемость воинских организаций в иерархической структуре со многими уровнями управления (сделать их послушными «винтиками системы»), унификации управленческого воздействия.

Важно отметить, что военная организация как открытая социальная система, подверженная постоянному воздействию незапланированных факторов, нуждается в постоянном управляющем воздействии со стороны руководителей любого уровня. Разделение управленческого труда между различными военными структурами происходит в форме распределения функций между ними в соответствии с возлагаемыми задачами путем наделения полномочиями должностных лиц⁵. Благодаря детальной регламентации обеспечивается и унификация структур в различных воинских формированиях, и взаимозаменяемость сотрудников, достигается единообразие и согласованность действий всех элементов органа военного управления.

Например, Устав внутренней службы ВС РФ содержит довольно подробное описание обязанностей основных должностных лиц полка. Приведенные в упомянутом Уставе обязанности командного состава, во-первых, весьма объемны,

содержат десятки функций и касаются самых различных сфер деятельности, начиная с вопросов боевой готовности и заканчивая утренним телесным осмотром личного состава. Организация столь разносторонних сфер деятельности возглавляемого трудового коллектива не возложена ни на одного руководителя так называемой невоенной организации, поскольку распространяется далеко за пределы основной трудовой функции и не ограничивается служебным временем. Но обязанности командиров содержатся не только в Уставе внутренней службы ВС РФ, а еще примерно в сотне нормативных правовых актов, причем между этими обязанностями не установлены категории приоритетности и важности.

Во-вторых, названный Устав вводит унификацию *типовых* обязанностей, т. е. они одинаковы для одноименных должностных лиц любых полков, вне зависимости от местности, рода войск, укомплектованности и иных факторов. Должностные обязанности воинских должностных лиц в названном Уставе сформулированы в обобщенном виде, без указания конкретных алгоритмов их исполнения. Вместе с тем многие такого рода обязанности чрезвычайно затратны по времени и используемым ресурсам, для их выполнения необходимо прилагать множество усилий, отделяя главное от второстепенного и не упуская из внимания остальные задачи.

Здесь необходимо напомнить о таком важном специфическом элементе прохождения военной службы, как довольно частые и воспринимающиеся как норма перемещения военнослужащих на иные воинские должности, в том числе и без их согласия. Это значит, что при подобном переводе военнослужащий, по крайней мере, в начале исполнения

⁵ Как правило, функциональные обязанности воинских должностных лиц определяются в общевоинских уставах, руководствах, положениях о структурных подразделениях органов военного управления, но могут быть определены и приказом непосредственного руководителя, в том числе устным.

обязанностей по новой для него должности не обладает достаточной компетентностью для исполнения возложенных на него обязанностей⁶. Тем более, что кроме должностных обязанностей на новом месте военнослужащему предстоит познавать специфику исполнения специальных обязанностей, новых обязанностей по боевому расчету, новой системы взаимодействия с новыми для него должностными лицами. Отчасти и поэтому в армейской среде приказами руководителей военных ведомств установлены детальные регламенты и подробные правила функционирования должностных лиц по различным направлениям деятельности (по ведению войскового хозяйства, организации стрельб, мобилизационных мероприятий и т. п.). В этом ракурсе многие приказы являются своеобразными «шпаргалками» по выполнению возложенных обязанностей, разъясняя их сущность, объем необходимой работы. Последовательная реализация процедурного алгоритма деятельности должностных лиц по замыслу военного руководства должна неизбежно приводить к наступлению желаемого результата (надлежащему уровню боевой готовности, воинской дисциплины, исправности закрепленного имущества и т. п.).

Установленные военным законодательством требования подлежат неуклонному исполнению в силу основных принципов прохождения военной службы, коими являются единоначалие и дисциплина. Согласно ст. 1 Дисциплинарного Устава ВС РФ⁷ воинская дисциплина есть *строгое и точное* соблюдение порядка и правил, установленных федеральными законами, общевоинскими уставами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями)

воинских начальников. Лексическое толкование вышеприведенной нормы права позволяет утверждать, что дисциплинированность весьма близка к понятию исполнительности. Проявление инициативы как деятельности без распоряжения выше, даже без подсказки и напоминания со стороны субъекта власти, наоборот, выступает антиподом механического исполнения приказов, исполнительности.

Обычный человек, поступая на военную службу, оказывается закрученным мощным маховиком унификации буквально во всем, и наиболее комфортная линия поведения в таких условиях – тотальный конформизм и исполнительность, поскольку против всех индивидуальных отклонений действуют консолидированная мощь официальных уставов и неуставных корпоративных отношений [6, с. 309].

К сожалению, оценивают военнослужащего в мирное время не по достижению общественно полезного результата, который в условиях отсутствия боевых действий не особо заметен, а по формальному исполнению им различного рода процедур и по недопущению ухудшения статистических показателей в возглавляемом подразделении или курируемом направлении деятельности. И такого рода оценка военнослужащего во многом сводится как раз к сопоставлению его деятельности с установленными в нормативных актах военных ведомств формальными критериями, главный результат часто отходит на второй план.

Вышеуказанная тенденция дает понятную и однозначную установку для многих военнослужащих, являясь дополнительным стимулом для привития механистического послушания и исполнительности. А риск привлечения к ответственности за любое, пусть даже и не повлекшие

⁶ Глухов Е. А. Компетентность и профессионализм воинских руководителей при перемещении их на новые воинские должности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 36–42.

⁷ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации ...

причинение вреда интересам военной службы отступление от любого нормативного акта или приказа – один из самых сильных сдерживающих факторов для принятия инициативных и самостоятельных решений. Причина очень проста: как правило, решения приходится принимать в условиях неизвестности; нельзя оценить удачность решения до окончания его реализации, гарантировать получение именно положительного результата. Вероятность что-то не учесть или допустить ошибку при этом довольно велика. Поэтому командир, который должен принять трудное решение, может стремиться уклоняться от его принятия, чтобы уйти от самой вероятности возникновения ответственности за неверное решение [7, с. 67]. Наказание за ошибки, произошедшие вследствие действий, не разрешенных командованием, систематически строже, чем наказание за непродуктивное повиновение [8, с. 340]. Командиру в этом случае даже выгодно иметь письменный алгоритм на все случаи жизни, ведь за правильность составления алгоритма ответственности он нести не будет, наоборот, он – всего лишь дисциплинированный исполнитель.

Таким образом, военно-служебные отношения в вертикальной иерархии связей обладают одним из существенных признаков бюрократического стиля управления: разрешению конкретных ситуаций на основе поиска наиболее эффективного и приемлемого способа военное руководство предпочитает формальные, типовые положения и инструкции и в итоге – стандартизацию и унификацию всего процесса воинского быта. Столь скрупулезная устоявшаяся регламентация, планирование и отчетность своей деятельности, с одной стороны, отвлекают должностных лиц от концентрации на выполнении своей главной задачи – поддержания за-

данного уровня боеготовности воинского формирования и эффективного его применения, но одновременно и вносят элемент предсказуемости и стабильности работы.

Сказанное означает, что военный аппарат управления стремится функционировать абсолютно предсказуемым для высшего руководства образом. Инструментами контроля и коррекции здесь выступают система планов, отчетности, дисциплинарной практики и оперативных указаний. Такая система управления обеспечивает не только решение поставленных задач обеспечения военной безопасности, но и удобство осуществления управленческой деятельности для старшего начальника. Между тем приведенные функции могут входить в противоречие друг с другом.

Дисфункциональный характер чрезвычайно подробной регламентации воинской деятельности выражается в том, что стремление к жесткой регламентации и унификации не учитывает и специфики функционирования отдельных воинских организаций⁸. А формируемая привычка к послушанию, ожиданию команды, высокий уровень исполнительности в системе военной службы ограничивают подчиненного в выборе средств и методов достижения конечной цели (все они обычно также регламентированы ведомственными приказами), тем самым снижая творческую инициативу. Мелочная предусмотрительность способна повредить здоровые источники саморегуляции [9, с. 88], заставляет человека отрекаться от собственной позиции [10, с. 74].

Совершенно справедливо указывают некоторые авторы, что при таком подходе «технологические правила и процессы по выполнению должностных обязанностей возведены в правовые нормы» [11, с. 16]. Более того, вырабатываются завышенные стандарты деятельности

⁸ Глухов Е. А. Дисфункции военного управления: признание проблемы // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 101.

должностного лица, происходит усиление модальностей (перевод рекомендательных норм высшестоящих органов и индивидуальных желаний в императивы) [12, с. 18].

В теории организации ее деятельность эффективна лишь тогда, когда цели ее формальных и неформальных подсистем совпадают. Излишняя регламентация деятельности, когда отдельному человеку отводится роль винтика в жестком механизме, чревата серьезными негативными последствиями⁹.

С организационной точки зрения неоперативное расширение границ административного регламентирования в ряде случаев превращается из средства реализации возложенных функций в самоцель для бюрократического стиля воинского начальника, т. е. происходит процесс подмены целей. В результате максимум усилий должностных лиц будет затрачен на достижение таких не имеющих реального приоритета целей (красота строевого шага, порядок в прикроватной тумбочке солдата, украшенный доклад) в ущерб главным (совершенствование воинского мастерства и поддержание боеготовности).

Более того, стремление к поддержанию строгой воинской дисциплины ведет к одновременному снижению уровня самостоятельности и утрате инициативы у должностных лиц на местах, увеличению времени разрешения текущих проблем, не вписывающихся в имеющиеся инструкции. Привычка к ожиданию команды и бездумная исполнительность ограничивают подчиненного в выборе средств и методов достижения конечной цели, тем самым снижая творческую инициативу и прогрессивное развитие всей организации в целом. Даже относящееся к своей компетенции обыденное решение нижестоящий командир в большинстве случаев должен предварительно утвердить

у высшестоящего начальника, представив ему разработанный проект письменного и согласованного с различными инстанциями плана. Указанный подход лишний раз подчеркивает несамостоятельность воинского должностного лица и отсутствие оперативности реагирования оного на нестандартные проблемы и ситуации.

Профессор Т. Веблен указывал на то, что бюрократические структуры, к коим можно отнести и армию мирного времени, поощряют у своих членов привычку полагаться на установленные правила и инструкции и применять их механически и не творчески. Эту модель поведения он назвал *привитой неспособностью*. В результате социализации у сотрудников таких организаций часто складывается узкий кругозор, который ограничивает их способность реагировать по-новому на меняющиеся ситуации¹⁰.

Для армии мирного времени, не занимающейся делом по своему прямому предназначению, ради которого она и создана, — участием в боевых действиях, вполне естественно скатывание к строгой регламентации внутренней деятельности. Иначе военнослужащие «расслабятся», а процесс обучения ввиду отсутствия действенного стимула (в военное время — страха поражения и смерти в бою) станет носить имитационный характер.

По меткому выражению де Кюстина, бюрократии свойственно прикрывать свои злоупотребления любовью к порядку¹¹. Процесс детальной регламентации может сопровождаться благими намерениями предупреждения нарушений воинской дисциплины, привития послушания и исполнительности, полного охвата личного состава в запланированных мероприятиях. Но обратная сторона подобной деятельности сводится к воспитанию несамостоятельного в принятии решений

⁹ Фененко Ю. В. Социология управления : учеб. пособие. М. : ПКЦ Альтекс, 2005. С. 107.

¹⁰ Козырев М. С. Бюрократия как актор публичной политики : учеб. пособие. М. : РГСУ, 2016. С. 11.

¹¹ Кюстин де А. Россия в 1839 году. М. : Захаров, 2007. С. 96.

командного состава, хронического опасения наказания, в том числе и за деяния, не несущие какого-либо вреда, но нарушающие любой, пусть самый незначительный пункт любого приказа или плана.

Армейская система позволяет уделять внимание «преимущественно мелочам службы, упуская главное», – писал видный военный мыслитель прошлого генерал В. Е. Флуг про русскую армию начала XX в. «В продолжение всей своей службы в полку наш строевой офицер находится под постоянной опекой (вышестоящих начальников), – продолжает В. Е. Флуг, – его деятельность лишена всякой самостоятельности, малейшей доли творчества и инициативы»¹². Армейские офицеры оказывались «боящимися ответственности, пассивными, лишенными самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств»¹³.

Как было указано выше, мелочные регламентация и контроль отчасти производны от недоверия вышестоящих начальников к подчиненным, а мелочная регламентация и опека здесь выступают лишь средством контроля. Опасность подобного стиля руководства заключается в том, что если в мирное время воспитывать руководителей, которые бояться оторваться от самого малейшего требования руководящего документа, исполняют свои обязанности механически, словно винтики в отлаженной старшим начальником механизме, то и в боевых условиях они также и будут себя вести – безынициативно и предсказуемо. Привыкшие к рутине, безынициативные руководители оказываются беспомощными, когда сталкиваются с реальными быстро возникающими проблемами, не поддающимися решению на основе предписанных, заранее известных и изложенных в руководящих документах правилах.

Возвращаясь к специфике воинской деятельности, напомним, что целью управления любым воинским формированием является обеспечение максимальной эффективности его потенциальных возможностей при решении поставленных перед ними задач, а также поддержания надлежащего уровня его боевой готовности. Говоря упрощенно, воинская деятельность подразделяется на функционирование в условиях мирного времени и в условиях особых правовых режимов (военного и чрезвычайного положения, режимов контртеррористической или специальной военной операции, мобилизации и боевых действий). Но в любом случае само предназначение и существование любого воинского формирования сводится к его подготовке к войне и эффективному использованию для разрешения возникших проблем именно военными методами.

Как и в иных сферах государственного управления, в военной сфере управленческая деятельность в своем основном предназначении сводится к принятию управленческих решений, выбору вариантов деятельности на основе учета фактической обстановки и требований законодательства. Однако следование положениям инструктивных документов нередко становится способом уклонения от принятия собственных решений и необходимости адекватно реагировать на возникшую проблему.

Нужно понимать, что язык права стандартизирован, трафаретен, абстрактен, в нем используют лингвистические клише, он, в целом, труднодоступен для обывателя. Еще более важным представляется то, что созданные юридическим языком с высоким уровнем обобщения типовые инструкции и алгоритмы рассчитаны на некую типовую ситуацию, у же

¹² Флуг В. Е. Высший командный состав // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1937.

¹³ Там же.

имевшую место в прошлом. Положения подобных правовых актов есть результат обобщения военным руководством предыдущего боевого опыта или организации повседневной деятельности и попыток распространить все прошлые удачные наработки командования в указанных сферах на будущие отношения. Однако общественные отношения развиваются быстрее их отражения в праве, поэтому закрепление усредненных правил в правовых актах неизбежно порождает и принятие усредненного, не самого эффективного решения.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОБЩЕСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ

В прежние времена командир мог быть уверен, что будущая война будет похожа на прошлую. Это позволяло ему анализировать соответствующую тактику из прошлого и тренировать действия войск, исходя из опыта прошлого. У современного командира больше нет оснований так думать.

Следует признать, что уставы и иные акты военного законодательства отражают уровень развития общественных отношений, средств и методов ведения боевых действий, форм и методов их регламентации, существующих в момент их издания, т. е. некоторое время назад. Они связаны с догматическими представлениями военного руководства о «самых правильных действиях» в армии и флоте. Так, боевые уставы¹⁴ страдают от попыток зафиксировать «единственно верную и рациональную» методику организации и ведения боя, но исходя из существующих на момент издания данных уставов средств и методов ведения войны. Так, применение беспилотных летательных (морских) аппаратов, моделей сетецентрического ве-

дения боевых действий заставило военное руководство весьма оперативно изменять тактику подготовки и ведения боя, часто ранее внесения соответствующих изменений в правовые акты.

Вышеуказанные факторы еще раз свидетельствуют о неизбежном отставании правового регулирования от тенденций фактического развития общественных отношений. Следовательно, боевые уставы, например, принципиально не могут отвечать на все вопросы и содержать решения для любых возможных боевых задач и складывающихся ситуаций. Некоторые авторы делают вывод, что любой боевой устав или наставление нужно рассматривать не в качестве универсального закона, не допускающего отступления, а в качестве сборника методических рекомендаций¹⁵.

Однако с таким выводом согласиться нельзя. Ведь право априори обеспечивается угрозой наказания за нарушение его норм. Нарушение требований любого правового акта или приказа командира влечет привлечение нарушителя к юридической ответственности. Применительно к военно-служебным отношениям правонарушители караются достаточно сурово, и что особенно важно, даже без фактического наступления вредных последствий от правонарушения.

Ввиду высокой степени потенциальной общественной опасности вреда военной безопасности от невыполнения приказов и нарушения требований регламентирующих документов за подобные деяния установлена уголовная ответственность, введены специальные составы преступлений (ст.ст. 332, 335, 340–344, 349–352 Уголовного кодекса Российской Федерации). Кроме того, непредумышленные деяния, связанные с нарушением исполнения возложенных на воинских должностных

¹⁴ Являются нормативными правовыми актами. Как правило, утверждаются секретными приказами руководителей военных ведомств.

¹⁵ Маркин А. В. Основы тактической подготовки современного солдата. Тверь : АСТ, 2006. С. 132.

лиц обязанностей, могут быть квалифицированы по ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации, где специфическим признаком объективной стороны преступления может быть признано причинение вреда интересам боевой готовности или срыв выполнения учебно-боевых мероприятий.

Но наиболее обширная сфера военнослужащих отношений урегулирована все же правовыми нормами, за нарушение которых наступает дисциплинарная ответственность. В соответствии со ст. 27 Устава внутренней службы ВС РФ к дисциплинарной ответственности военнослужащие привлекаются за противоправные, виновные действия (бездействие), выражающиеся в нарушении воинской дисциплины. В свою очередь воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных нормативными правовыми актами и приказами командиров (начальников). Использование терминов «строгое и точное соблюдение» в приведенной формулировке означает, что малейшее отклонение от воинских правил и приказов уже является правонарушением, т. е. любое отступление от любого нормативного правового акта либо приказа формально может повлечь негативные для военнослужащего санкции материального и морального характера.

Это однозначно дисциплинирует и воспитывает исполнительность как профессиональное качество военнослужащего, автоматизм выполнения команд старшего начальника в любых психотравмирующих условиях. Жесткий принцип единоначалия и повышенная степень ответственности необходимы для воздействия на подчиненного (метод кнута) и гарантии выполнения отданного приказа, в том числе в условиях нежелания исполнять порученный приказ ввиду его

опасности для жизни и здоровья, трудности исполнения.

В то же время оборотной стороной механического послушания являются утрата инициативы и самостоятельности руководителей на местах, ожидание команды сверху, нежелание брать на себя ответственность, страх наказания за честный доклад проблемных ситуаций. Утрата самостоятельности реакции и принятия решений приводит к тому, что подчиненный в армии привыкает относиться к командиру как к единственному лицу, которое и несет ответственность за все происходящее вокруг, в том числе правильность установленных процедур. Сам же подчиненный довольствуется тем, что не знает всей картины происходящего, расценивает себя всего лишь как послушный инструмент в руках командования, которое и должно принимать все решения за него самого (или, по крайней мере, одобрять предложенные им варианты решений)¹⁶. Ведь за инициативное действие военнослужащего почти всегда с равным успехом и вполне законно можно поощрить, а можно и наказать, поскольку инициативные действия практически всегда связаны с отступлением от требований какого-либо нормативного правового акта или планирующего документа.

Основной недостаток данного стиля управления заключается в том, что привычка к послушанию и высокий уровень исполнительности в системе военной службы существенно ограничивают подчиненного в выборе средств и методов исполнения своих обязанностей, достижения конечной цели (в большинстве случаев они также строго регламентированы ведомственными приказами). И если в менеджменте креативная организационная культура и вовлеченность персонала в процесс принятия управленческих решений считаются положительными качествами,

¹⁶ Глухов Е. А. Повышенная степень повиновения как специфический признак метода военного управления (правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 10 (303). С. 6.

стимулирующими творческую инициативу, инструментом повышения внутренней мотивации сотрудника, влияющими на повышение эффективности управления [13, с. 69], то на военной службе данные качества, если и нужны, то все равно в процессе повседневной мирной деятельности в ценностном плане они перевешиваются безоговорочным подчинением, воинской дисциплиной и механическим выполнением любых руководящих документов.

В этом и состоит одно из существенных противоречий военного управления: армия, функционирующая в условиях мирного времени, воспитывает руководителей, умеющих соблюдать формальности руководящих документов, но не обладающих в достаточной мере креативностью мышления, способностью самостоятельно и оперативно разрешать нестандартные ситуации – качествами, необходимыми командиру воюющей армии. Но если в мирное время воспитывать руководителей, которые боятся оторваться от самого малейшего требования руководящего документа, то в боевых условиях они также и будут себя вести – предсказуемо и безынициативно. «Бессмысленно ждать не прямых действий, – писал военный теоретик сэр Лиддел Гарт, – от прямолинейно действующего посредственного генерала, для которого предписанные правила превыше всего» [14, с. 51].

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА В УСЛОВИЯХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Военная наука всегда исходила из того соображения, что в бою действиям командиров должна быть предоставлена значительно большая самостоятельность, нежели они имеют в мирное время¹⁷. Для успеха в бою необходимы активность и постоянное удержание инициативы. Боевая активность не ограничивается

формальным исполнением приказа, характеризует способность командира действовать на свой страх и риск, шаблонные же решения не приводят к победе над равным противником. И наоборот, стремление во что бы то ни стало выполнять решение, утратившее в связи с изменением обстановки смысл, свидетельствует о косности и приверженности к шаблону или об отсутствии мастерства [15, с. 107], и с большей вероятностью ведет к поражению.

Поэтому вполне логично, что в самом Боевом уставе заложено требование применять его положения творчески, с учетом конкретных условий обстановки. Противоречие и дисбаланс смысла приведенной формулировки заключается в том, что, с одной стороны, Боевой устав – это нормативный акт, обладающий императивным властным характером предписаний. С другой стороны, изложенная фраза говорит о том, что его положения содержат лишь ориентиры, рекомендации, описания возможных действий и *не имеют свойств обязательности и каноничности*.

Однако подобные призывы к проявлению инициативы, а также ее прославление в литературе мало способствуют росту инициативности и самостоятельности деятельности на практике. Если инициатива в реальной жизни остается наказуемой, а бездействие часто не несет негативных последствий, то естественным результатом такого положения дел будет уклонение от принятия решений и бездеятельность, ожидание команды свыше. Страх ответственности за поражение в бою одинаково вреден, как и страх ответственности за инициативу в мирное время, – вместо стимула для принятия оперативного и наиболее эффективного (возможно и рискованного) решения он заставляет бездействовать и ждать указаний, не доверяя собственной логике.

¹⁷ Советское военно-административное право : учеб. пособие / под ред. С. С. Студеникина. М. : Воен.-юрид. акад. Красной Армии, 1945. С. 10.

Между тем в научной литературе свідетельствується, що більше 70 % ризикованих рішень командирів Великої Вітчизняної війни забезпечили успіх виконання бойової задачі і лише менше 30 % подібних рішень виявилися неефективними [16, с. 81].

Во время боевых действий сфера непредсказуемости и невозможности четкого заблаговременного планирования деятельности войск (туман войны, по Клаузевицу) заметно возрастает, так как, кроме обычных «слабых звеньев» системы организации функционирования (погода, человеческий фактор, поломки техники, нехватка ресурсов), существует еще мощное противодействие противника. Противник заинтересован в вашем проигрыше, он сознательно мешает реализации ваших планов, для этого он, в том числе изучает ваши алгоритмы действий и руководящие документы, пытается предсказать ваше решение.

Поэтому предсказуемый, не отклоняющийся ни на йоту от правовых и плановых предписаний командир скорее проиграет сражение, нежели творчески подходящий к военному делу военачальник. В этом плане представляет интерес зародившийся более века назад в Германии принцип директивного управления (нем. *Auftragstaktik*), согласно которому командир ставил подчиненному общую задачу (миссию) и доводил необходимую для ее выполнения информацию, не детализируя этапы, методы и ход ее выполнения [17, с. 132]. То есть подчиненный получал цель (то, чего надо добиться), после чего сам решал, как ее будет исполнять. В западной военной литературе такую модель описывали формулами «повиновение, основанное на самостоятельном мышлении» [18]. При этом действия командира, выбор им средств и методов вы-

полнения приказа, конечно, должны быть подчинены замыслу старшего начальника.

«От командиров немецкой армии на всех уровнях ожидается, что они обеспечат результат, независимо от деталей приказов. Цель военного образования – развитие способности быстро оценивать сложившуюся обстановку, а не обучение точному выполнению всех процедур и решению задач “по уставу”... Военная культура эры “маневренной войны” ставит инициативу выше послушания начальству, терпимо относится к ошибкам, если только они не были результатом пассивности, и полагается на самодисциплину вместо навязанной сверху дисциплины»¹⁸.

Генерал армии К. К. Рокоссовский при планировании операции «Багратион» в 1944 г. знал, что танки через болото не ходят, что при наступлении наносится один главный удар, а не два¹⁹. Но и противник тоже это знал, и Рокоссовский использовал это его знание. Нарушив общепринятые законы тактики, войска Рокоссовского нанесли неожиданный удар по противнику, застав его врасплох. Та битва считается одним из крупнейших поражений Вермахта во Второй мировой войне; во многом победа была достигнута благодаря отступлению от стандартов боевых уставов и неготовности к такому противника.

В условиях мирной жизнедеятельности для армии нет явного противодействия противника, поэтому здесь меньше места творчеству и инициативе. Генерал русской императорской армии А. Скугаревский писал: «Качества военачальника для мирного и для военного времени несколько не сходятся: в мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время – сопротивляемость врагу. В мирное время затирают “сопротивляющихся” и выдвигают людей

¹⁸ Lind W. S. Manoeuvre Warfare Handbook. Boulder : Westview Press, 1985. P. 55.

¹⁹ Рокоссовская А. Почему «Багратион» называют самой успешной наступательной операцией XX века // Рос. газ. 2015. 2 июля.

более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля»²⁰.

Как было указано выше, армия зиждется на повиновении и дисциплине с четкой регламентацией, императивным характером предписаний планов и жесткими юридическими санкциями за отступление от них. Но обычный человек, в том числе и воинский руководитель, не может одновременно с переводом на военное положение перековать свой менталитет и стиль мышления, поменять привычный и поощряемый в мирное время алгоритм принятия решений, он будет по-прежнему ждать указаний сверху и не проявлять инициативы.

Найти правильный баланс между самостоятельностью и дисциплиной – в этом и заключается, по Мольтке, искусство хорошего офицера. Сунь-Цзы, оценивая умственные способности настоящего полководца, среди прочих качеств отнес к его характеристикам умение не придерживаться раз и навсегда установленных правил, выбирать как раз то, что нужно для данного момента.

ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вышеприведенные рассуждения позволяют ставить и общетеоретический вопрос о необходимости детальной регламентации военно-служебных отношений, особенно в повседневных мирных условиях существования, о пределах такой юридической экспансии и эффективности подобного правового регулирования. Где проходит граница между достаточной (необходимой) регламентацией военно-служебных отношений и излишней негибкой зарегламентированностью?

С точки зрения теории юридического позитивизма проблема пределов право-

вого регулирования является проблемой границ вмешательства государства и его органов в общественную жизнь посредством создания нормативных правовых актов и их последующего применения. Пределы правового регулирования представляют собой обусловленную наличием объективных и субъективных факторов меру допустимого, *необходимого и достаточного* воздействия права на общественные отношения, осуществляемого с помощью специальных юридических средств [19, с. 49].

Профессор И. В. Понкин к числу дефектов нормативного правового обеспечения государственного управления и нормативно-правового регулирования относит в том числе следующие:

- создание (способствование, попустительство) редундантности (чрезмерности, юридически и фактически необоснованной избыточности) нормативного правового регулирования, значительной зарегулированности, чрезмерной усложненности, громоздкости, негибкости законодательства;

- необоснованно избыточно завышенная нормативная строгость правовых режимов в ситуациях (условиях), когда такая их строгость не является фактически обоснованной, а исполнение таких предписаний и соблюдение таких запретов в действительности не имеет столь существенного и релевантно соотносимого с такой строгостью значения (такое значение существенно преувеличено);

- принятие нормативных правовых актов, соблюдение которых является необоснованно избыточно ресурсозатратным (по времени, людям, усилиям) для конкретной целевой аудитории, что с высокой вероятностью влечет падение регулирующей эффективности таких актов;

- принятие нормативных правовых актов (особо строгого регулирования),

²⁰ *О долге и чести воинской в российской армии* : собр. материалов, документов и ст. / сост.: Ю. А. Галушко, А. А. Колесников ; под ред. В. Н. Лобова. М. : Воениздат, 1990. С. 204–205.

в которых отсутствуют правовые механизмы оценки и обеспечения эффективности реализации норм этих актов [20, с. 12].

Рассматривая меру достаточности регламентации военно-служебных отношений, необходимо выявить наличие самой потребности общества и государства в конкретной правовой норме. Применительно к военно-служебным отношениям, например, необходимо ответить на ряд вопросов. Нужна ли специальная правовая норма об обращении военнослужащих друг к другу строго на «вы»²¹? И должен ли командир наказывать подчиненного, когда слышит, что тот по дружбе обратился к другому по имени, на «ты»? Необходимо ли размер табличек на дверях служебных помещений устанавливать на уровне Указа Президента России²²? Нужно ли обличать в форму права моральные нормы о том, что военнослужащий должен быть честным и храбрым²³? Целесообразно ли устанавливать единственно верную форму доклада (представления) военнослужащего об убытии его в отпуск²⁴?

Речь не о том, чтобы скатиться к проблемам в праве и оставить данные вопросы вообще не регламентированными. Речь именно о самой необходимости облечения в форму правового акта императивных унифицированных требований, обеспечиваемых строгими санкциями, изданных на высоком уровне и обязательных к исполнению, а также к установлению предмета регулирования. При этом в каждой воинской части имеется своя специфика и свои руководители, способные на местах разобраться с большинством возникающих вопросов без жестких предписаний сверху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая правовая норма должна иметь смысл, цель, ради которой она и принималась. И эта цель должна быть значимой для государства до такой степени, что субъект нормотворчества решил облечь ее в форме правового акта, не доверяя в этом вопросе рациональности должностных лиц на местах.

Известный прусский реформатор К. Штейн в одном из своих циркуляров порицал присущий немецкой бюрократии дух механического послушания: «Чиновники должны перестать быть немymi орудиями в руках первых лиц государства, машинами, исполняющими чужие приказания; я хочу, чтобы отныне они выполняли государственную службу независимо, самостоятельно и с полной ответственностью» [21, с. 39].

Полагаю, что подобные реформы нужно проводить и в армейской среде современной России. Правовые нормы не должны регламентировать «все и вся», сводя роль командира к техническому исполнителю предписаний, не оставляя ему вариантов для принятия наиболее эффективного в ракурсе выполнения поставленных задач или выполнения возложенных обязанностей решения. Вместе с тем нормы права должны устанавливать границы дозволенного, в случае нарушения которых такой командир должен быть привлечен к юридической ответственности. В частности, требует правовой регламентации вопрос устранения юридической (в том числе дисциплинарной) ответственности при отступлении военнослужащего от норм правовых актов и приказов старшего начальника при обоснованном риске, а также при отсутствии наступившего вреда охраняемым законом интересам.

²¹ Статья 67 Устава внутренней службы ВС РФ.

²² Статья 3 Приложения № 11 к Уставу внутренней службы ВС РФ.

²³ Статья 17 Устава внутренней службы ВС РФ.

²⁴ Статья 60 Устава внутренней службы ВС РФ.

Список литературы

1. Шунди́ков К. В. Децентрализация как фактор развития самоорганизационных процессов в правовом регулировании // Право и государство. 2019. № 1 (82). С. 146–155.
2. Свечин А. А. Стратегия. 2-е изд. М. : Военный вестник, 1927. 263 с.
3. Толстик В. А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.
4. Путило Н. В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления (10 лет спустя) // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 81–92. DOI: https://doi.org/10.12737/article_597714e850a8c3.10775309
5. Хитарова И. Ю. Эстетика войны // Studia Culturae. 2013. № 17. С. 156–166.
6. Лапин В. В. Армия России как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1 (21). С. 302–313. DOI: <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00021>
7. Маркин А. В. Критерии обоснованности служебного риска командира // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2009. № 2 (140). С. 67–70.
8. Кривопапов А. А. Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 3. С. 338–353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353>
9. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М. : АСТ, 2006. 510 с.
10. Лапицкий М. И. Банальность зла, или Зло глупости // Россия XXI. 2009. № 1. С. 62–91.
11. Гиммельрейх О. В., Козелецкий И. В. Управленческая деятельность в органах внутренних дел: некоторые вопросы правовой регламентации // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 14–18.
12. Синченко Г. Ч. Юридификация и перформативные презумпции позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2 (37). С. 15–19.
13. Некрасов В. Н., Мезенцева Е. Е. Противоречия в управлении и их роль в развитии стратегии организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3. С. 66–73.
14. Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия не прямых действий / пер. с англ. М. : Иностр. лит., 1957. 534 с.
15. Украинченко Ю. В., Савченко О. А., Украинченко К. Ю. Условия достижения успеха в современном бою // Наука и военная безопасность. 2022. № 2 (29). С. 104–112.
16. Сокольников Е. А. Психологические особенности риска командира при выполнении служебно-боевых задач // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 3 (15). С. 73–84.
17. Прокаев А. Н., Мишкарев А. Н. Эволюция англо-саксонской и прусской моделей управления Вооруженными Силами // Военная мысль. 2022. № 6. С. 128–136.
18. Gunther M. J. Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command? Fort Leavenworth : School for Advanced Military Studies, 2012. 61 p.
19. Березина Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 4 (113). С. 42–55. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>
20. Понкин И. В. Дефекты нормативного правового регулирования // Право и образование. 2016. № 7. С. 4–15.
21. Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. Государство и роль канцлера в Германии. СПб. : Дело, 1906. 175 с.

References

1. Shundikov K. V. Decentralization as a Factor of Self-Organizational Processes Development in Legal Regulation. *Law and State*. 2019;1:146-155. (In Russ.).
2. Svechin A. A. *Strategy*. 2nd ed. Moscow: Voennyi vestnik Publ.; 1927. 263 p. (In Russ.).
3. Tolstik V. A. Legal Totalitarianism: a Law-Making Strategy or Movement due to Inertia. *Juridical Techniques*. 2015;9:759-763. (In Russ.).
4. Putilo N. V. Public Services: Between Doctrinal Understanding and Practice of Normative Consolidation (10 Years Later). *Journal of Russian Law*. 2017;8:81-92. DOI: https://doi.org/10.12737/article_597714e850a8c3.10775309 (In Russ.).
5. Khitarova I. Yu. The Aesthetics of War. *Studia Culturae*. 2013;17:156-166. (In Russ.).
6. Lapin V. V. The Army of Russia as the Mechanism of Integration in the Empire. *Petersburg Historical Journal*. 2019;1:302-313. DOI: <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00021> (In Russ.).
7. Markin A. V. Criteria for Justifying the Commander's Service Risk. *Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*. 2009;2:67-70. (In Russ.).
8. Krivopalov A. A. The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):338-353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353> (In Russ.).
9. Il'in I. A. *The General Doctrine of Law and the State*. Moscow: AST Publ.; 2006. 510 p. (In Russ.).

10. Lapitsky M. I. The Banality of Evil or Evil of Stupidity. *Russia XXI*. 2009;1:62-91. (In Russ.).
11. Gimmelreikh O. V., Kozeletsky I. V. Management Activities in the Internal Affairs Bodies: Some Issues of Legal Regulation. *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*. 2021;1:14-18. (In Russ.).
12. Sinchenko G. Ch. Juridification and Performative Presumptions of Positive Law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2010;2:15-19. (In Russ.).
13. Nekrasov V. N., Mezentseva E. E. Contradictions in the Management and Their Role in the Development Strategy of the Organization. *State and Municipal Administration Scientific Notes*. 2014;3:66-73. (In Russ.).
14. Liddel Hart B. H. *Strategy The Indirect Approach*. Moscow: Inostrannaya literatura Publ.; 1957. 534 p. (In Russ.).
15. Ukrainchenko Yu. V., Savchenko O. A., Ukrainchenko K. Yu. Conditions for Achieving Breakthrough in a Present-Day Battle. *Science and Military Security*. 2022;2:104-112. (In Russ.).
16. Sokolov E. A. Psychological Characteristics of Risk Commander When Performing Service and Combat Missions. *Humanities and Education in Siberia*. 2014;3:73-84. (In Russ.).
17. Prokayev A. N., Mishkarev A. N. The Evolution of Anglo-Saxon and Prussian Models of Armed Forces Control. *Voennaya Mysl'*. 2022;6:128-136. (In Russ.).
18. Gunther M. J. *Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command?* Fort Leavenworth: School for Advanced Military Studies; 2012. 61 p.
19. Berezina E. A. Limits of the Legal Regulation of Public Relations: Problems of Understanding, Classification and Their Importance in the Mechanism of Legal Regulation. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(4):42-55. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055> (In Russ.).
20. Ponkin I. V. Defects of Legal Regulation. *Law and Education*. 2016;7:4-15. (In Russ.).
21. Duprier L. *The State and the Role of Ministers in Prussia. The State and the Role of Chancellor in Germany*. St. Petersburg: Delo Publ.; 1906. 175 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Александрович Глухов, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии (ул. Л. Пилутова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-8156>; e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Glukhov, Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Saint-Petersburg Military Institute of National Guard Troops (1 Pilyutova st., St. Petersburg, 198206, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-8156>; e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Поступила | Received
21.08.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
01.11.2023

Принята к публикации | Accepted
01.11.2023